

Научно-исследовательская

УДК 130.2

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.44.4.8

МЕНТАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ

Бетильмерзаева Марет Мусламовна

Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия,
просп. Х. Исаева, д. 62, Грозный, Россия, 364068,
maret_fil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7153>

Аннотация. В статье раскрыт потенциал понятия «ментальность» в контексте новых исследовательских подходов: смыслогенетического и нарративного. Эксплицированы понятия «менталитет» и «ментальность». Менталитет определен как предметный феномен, в котором стереотипизирован этнопсихологический портрет субъекта или социальной группы в контексте адаптации к культурной среде своего проживания. Ментальность раскрыта как феномен, определяющий качество психоэмоциональных характеристик субъекта познавательной деятельности. Обосновано, что одним из важных факторов, детерминирующих ментальные особенности этноса, является историческая память, в контексте которой формируются конкурирующие смыслы и нарративы опыта взаимодействия различных социальных групп. Предложена категоризация ментальности на основе отношения к пространству, месту, территории проживания; отношения ко времени как к физической и социокультурной мере; отношение к имени (вещи); отношение к памяти; отношение между человеком и Богом; отношение между человеком и группой; отношение между народом и властью. Рождение нарративного смысла предстает в палитре данного многообразия. Отмечено, что современное чеченское общество сформировалось под влиянием различных факторов: собственного исторически первичного адаптационного опыта, нашедшего выражение в нормах адата в контексте проживания в полиэтническом Северо-Кавказском регионе, исламской культуры и российской истории. Разработана типология культурно-исторической смыслогенетической и нарративной преемственности практики чеченской повседневности в истории последних столетий. Сделан вывод о том, что смыслогенетическая и нарративная преемственность исторических фактов, переживаемых любым этносом в трансгрессивных смещениях ценностей, формируется в конкурирующем противостоянии различных смыслов и нарративов.

Ключевые слова: ментальность, менталитет, созерцание, память, смыслогенетический подход, нарративный подход

Для цитирования: Бетильмерзаева М. М. Ментальность в контексте новых исследовательских подходов // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 4 (44). С. 91–104. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.44.4.8

Scientific Research

UDC 130.2

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.44.4.8

**MENTALITY IN THE CONTEXT
OF NEW RESEARCH APPROACHES****Maret M. Betilmerzayeva**

Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia,
Kh. Isaeva Ave., 62, Grozny, Russia, 364068,
maret_fil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7153>

Abstract. The article reveals the potential of the concept of “mentality” in the context of new research approaches: semanticgenetic and narrative. The concepts of “mentality” and “mentality” are explicated. «Mentality» is defined as an objective phenomenon in which the ethnopsychological portrait of a subject or social group is stereotyped in the context of adaptation to the cultural environment of one’s residence. Mentality is revealed as a «the phenomenon» that determines the quality of the psycho-emotional characteristics of the subject of cognitive activity. It is substantiated that one of the important factors that determine the mental characteristics of an ethnic group is historical memory, in the context of which competing meanings and narratives of the experience of interaction between different social groups are formed. A categorization of mentality based on the attitude to space, place, territory of residence is proposed; attitude to time as a physical and socio-cultural measure; relation to the name (thing); relation to memory; relationship between man and God; relationship between a person and a group; relationship between people and government. The birth of narrative meaning appears in the palette of this diversity. It is noted that the modern Chechen society was formed under the influence of various factors: its own historically primary adaptation experience, which found expression in the norms of adat in the context of living in a multi-ethnic North Caucasian region, Islamic culture and Russian history. A typology of cultural-historical semanticgenetic and narrative continuity of the practice of Chechen everyday life in relation to the last centuries has been developed. It is concluded that the semantic-genetic and narrative continuity of historical facts experienced by any ethnic group, in transgressive shifts of values, is formed in the competitive confrontation of different meanings and narratives.

Keywords: mentality, contemplation, memory, semanticgenetic approach, narrative approach

For citation: Betilmerzayeva, M. M. (2022). Mentality in the context of new research approaches. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (44), 91–104. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.44.4.8>

Во все времена существовало многообразие этнических культур и социальных общностей. При всей их пестроте и разительности отличий между представителями разных культур мир сохранял некоторую системную устойчивость, в которой на длительном этапе своего развития социальные общности поддерживали аутентичность самим себе. В современных условиях в контексте глобализационных и модернизационных трансформаций меняющегося мира, чьей важной составляющей становится расширение или стирание информационных границ, наблюдаются процессы сепарации, детерминирующие культурную децентрализацию национальной идеи. Мы живем в уникальное время, в котором сосуществуют различные культурные общности, одни из них находятся на пике своего модернизационного развития, другие — на пути технологического взлета, третьи остаются в пределах своей укорененности в традиции и обычаях. В этих условиях актуализируется проблема менталитета этноса и его ментальных особенностей, исследование которых выполняет ряд функций: познавательную, аксиологическую и прогностическую. Познавательная функция исследования менталитета и ментальности заключается в поиске и систематизации материала, содержащего в себе культурные факты (языковые и поведенческие), характерные для той или иной социальной группы или конкретного индивида. Аксиологическая функция позволяет обобщить содержательную часть исследуемых фактов и определить их значимость в общей картине этноса. Прогностическая функция исследования способствует моделированию сценария развития этноса, в логике факторов, предопределяющих национальную самобытность. В целом исследование менталитета и ментальности в современном мире, с одной стороны, объясняет психологию формирования субъективной реальности и, с другой стороны, вооружает инструментарием для установления связи с объективной реальностью и раскрытия факторов, провоцирующих не только межэтническую, но и внутриэтническую сегрегацию ее носителей.

Цель исследования заключается в раскрытии потенциала понятия «ментальность» в контексте смыслогенетического и нарративного подходов на том или ином этапе свершения истории. Данные подходы взаимодополняемы. Они способствуют через анализ рождения смыслов и нарративов структурировать характер ментальных особенностей ее носителей.

В начале своего дискурса проведем краткий экскурс в историю актуализации терминов «ментальность» и «менталитет», которые стали предметом междисциплинарного анализа философов, культурологов, историков, психологов, филологов и других представителей западноевропейского [Арьес, 1996; Раульф, 1996] и отечественного гуманитарного знания [Бутенко, 1996; Гришук, 2002; Мостовая, 1995; Пальцев, 1998; Полежаев, 1996; Пушкирев, 1995; Сторчак, 1997; Шевяков, 1994 и др.]. В своих исследованиях мы также рассматривали различные аспекты ментальности в контексте этнической культуры [Бетильмерзаева, 2005; Бетильмерзаева, 2011].

В западноевропейской традиции ментальность и менталитет находят выражение в одном слове, например в английском — *mentality*, в немецком — *Mentalität*, во французском — *mentalité*. В отечественной практике применения этих слов сложилась своя традиция, обусловившая существование двух терминов, которые, исходя из трактовок авторов, могут быть тождественны, взаимозаменяемы или различаются друг от друга семантически и по сфере применения. Например, Н. С. Южалина отмечает, что «менталитет» есть базовое понятие, «ментальность» — производное, потому более специфическое. В ее трактовке менталитет выступает как явление, а ментальность — свойство [Южалина, 2003, с. 16]. В работах Н. И. Губанова и Н. Н. Губанова «категория менталитета, или ментальности», используется как синонимичная [Губанов, 2017, с. 38]. Согласно авторам, «менталитет определяет характер активности социальной группы или индивида», что позволяет трактовать менталитет «в качестве ядра групповой и личностной культуры, как стратегическую культурную программу субъекта». «В ходе индивидуального культурного творчества в виде ответа на вызовы истории в менталитете интеллектуальных элит», «преодолевая противоречия «между менталитетом, содержащим в себе новые культурные формы, и социальными отношениями» зарождаются новые ментальные особенности [Губанов, 2017, с. 38]. Л. М. Ашнокова и М. Н. Намиотова рассматривают менталитет в его семантической подогнанности к ментальности, пишут об этнокультурной обусловленности менталитета, отмечая, что «глобализационные процессы задают вектор изменений ментальности народов» [Ашнокова, 2020, с. 16].

А. А. Пелипенко, предлагая смыслогенетический подход к историко-цивилизационному процессу, в качестве ключевого тезиса выдвигает идею о том, что «разница между культурными, соответственно, цивилизационными системами коренится в разных способах смыслообразования» [Пелипенко, 2009, с. 25]. Сфера человеческой ментальности есть сфера смыслообразования [Пелипенко, 2014]. Наблюдаемая флуктуация процессов смыслообразования детерминирует семантическую многозначность смыслов [Пелипенко, 2011, с. 59].

И. Г. Яковенко использует понятие «ментальность», которое осмысливается «как метаязык культуры», «как основание присутствия личности в культуре и одновременно единственный способ пережить культуру как глубоко личный факт сознания» [Яковенко, 2018, с. 137]. В одной из дискуссий по проблеме ментальности подчеркивается: «Ментальность — не то, что мы думаем, а то, как мы думаем» [Пелипенко, 2009, с. 64].

В контексте предлагаемого анализа понятий мы различаем смыслы менталитета и ментальности. Менталитет трактуется как формальный феномен, позволяющий структурировать предметное начало индивида или социальной группы, формирующий этнопсихологический портрет субъекта или социальной группы в контексте адаптации к культурной среде своего проживания.

Ментальность раскрывается как содержательный феномен¹, определяющий качество психоэмоциональных характеристик субъекта познавательной деятельности [Бетильмерзаева, 2011, с. 83].

В теории и практике анализа ментальности мы придерживаемся смыслогенетического подхода А. А. Пелипенко на историко-культурные процессы. Согласно данному подходу генезис истории трактуется как «история имманентного саморазвития смысловых полей и соответствующих им социокультурных практик, понимаемая как внутренний двигатель эволюции социокультурных и цивилизационных систем» [Пелипенко, 2009, с. 25]. Продуктивное исследование ментальности обеспечивается введением нарративного подхода, который изначально связан с попыткой установить, «что есть личность на самом деле» [Волков, 2018, с. 56], в анализе нашей проблемы предоставляет возможность в частности личностных самопрезентаций увидеть сумму общих значений, характерных группе. Сторонники нарративного подхода — М. Шехтман, Д. Деннет, К. Эткинз — «решают вопрос характеристики личности», то есть, «пытаются установить, какие действия, переживания, убеждения, ценности, желания, черты характера могут быть отнесены к конкретному человеку» [Волков, 2011, с. 56]. Нарратив здесь предстает как биографическая история, в событийности которой наблюдается внутренняя смысловая связь, каждое последующее событие раскрывает смысл предыдущего. В этой преемственности событий личность оценивает текст как автономное целое, где важен сам текст как презентация личностью самое себя и одновременно актуализируется отношение личности к тексту, то, насколько личность в данной презентации отождествляет себя с тем, что он о себе говорит.

Смыслогенетический подход формируется в рамках смыслогенетической теории, в основе которой лежит один из важных постулатов: «способность к порождению смыслов составляет коренное отличие человека от животного» [Пелипенко, 2007, с. 72]. Смыслогенез как универсальная схема рождения новых смыслов «перекидывает мост между природой и культурой», детерминируемый

¹ Под влиянием идей И. Канта полагаю уместным введение в свой дискурс понятия «феномен» (феномен + ноумен), который способствует точному определению ментальности. Ментальность есть реализация связи между чувственно-воспринимаемыми и умопостигаемыми сущностями, феноменами и ноуменами, то есть ментальность есть феномен. Ментальность есть линия демаркации импульсов сознания в своей умопостижимости и физического проводника сознания, трансформирующего ноуменальное в феноменальное, чувственно воспринимаемое. Будучи фильтром установок человека или человеческого общества, данного мига или эпохи, ментальность дефинируема как онтологическая заданность психофизического взаимодействия. Пограничность «ментальности» прослеживается и в герменевтическом анализе самого феномена «сознание». Русский концепт «сознание» аналогично латинскому *conscientia* отражает момент, характеризующий сознание как явление взаимосвязанности сторон, сознание есть не односторонний акт получения знания, но акт совместной деятельности. В этом акте нет пассивной стороны. Индивид, интенционально настроенный на прием некоторой информации, благодаря ментальным установкам обладает возможностью «читать» информацию (Бетильмерзаева М. М. Ментальность в контексте культуры (философско-культурологический анализ). Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. С. 83).

изменениями когнитивных режимов психики [Пелипенко, 2007, с. 71]. В нарративной же, то есть событийной, преемственности исторических фактов, переживаемых каждой личностью и в целом определяющих общий портрет этноса, в трансгрессивных смещениях ценностной индивидуализации, формирующейся в конкурирующем противостоянии различных нарративов, прослеживаются ментальные особенности социальной общности или конкретной личности. Смыслогенетическая и нарративная преемственность исторических фактов, переживаемых любым этносом, в трансгрессивных смещениях ценностей, формируется в конкурирующем противостоянии различных смыслов и нарративов.

Человечество явлено в качестве системного целого как единый организм, но человечество также представлено уникальным многообразием составляющих его групп. Мы наблюдаем фундаментальные траектории расхождения социальных общностей по различным основаниям: культурным, расовым, этническим, религиозным, профессиональным, гендерным и т. д. Чеченский этнос является одним из этносов Северо-Кавказского региона, в исторической ретроспективе которого сложился целый комплекс самобытной национальной культуры со своими ментальными и когнитивными особенностями. Исследование менталитета и ментальных особенностей этнокультуры в контексте новых исследовательских подходов — смыслогенетического и нарративного — дает возможность не только познать прошлое, понять настоящее, но и прогнозировать будущее. Жизнь человека или этноса протекает во времени, его опытное содержание выстраивает свою уникальную траекторию развития.

Как писал средневековый римский мыслитель Августин Аврелий, характеризуя время, прошлое мы познаем благодаря памяти, настоящее доступно созерцанию, а будущее обусловлено ожиданием [Августин Аврелий, 2013, с. 187]. Августин отмечает, что часто практика применения слов не соответствует сущности того, что определяется ими, но мы тем не менее понимаем друг друга [Августин Аврелий, 2013, с. 187]. Эта мысль Августина приглашает к глубокой рефлексии над тем, какова взаимообусловленность того, как мы говорим, и того, что мы понимаем. Логика смыслоформирования и смыслопонимания организуется в пределах времени. Время как один из культурных концептов, характеристика нашего сознания, которая структурирует и систематизирует картинку трехмерного пространства. Благодаря данной иллюзии мы воспринимаем периодизируемую длительность. Августин еще в середине первого тысячелетия пишет, что нет ни прошлого, ни будущего, есть только настоящее. Существование прошлого обусловлено качеством памяти, будущего — ожиданием. Качествами памяти и ожидания расширяется «пространство» настоящего. Культура человека или этноса обусловлена диапазоном его настоящего, то есть, «битами» памяти и «ваттами» ожидания, детерминирующими и детерминируемыми волей быть, что вкуче характеризует этнокультурный портрет индивида или группы.

Мысль человека в генезисе рождения смыслов существует во времени, или в диапазоне различной длительности, идеальная сущность смыслов материализуется в языке и поведении субъекта. В этом процессе фундаментальную роль

играют качество памяти — что я помню; качество созерцания — что я вижу; качество ожидания — что я желаю. В триаде времени, сосредоточенном в настоящем, с помощью нарративного подхода исследуется «определенный фрагмент этого социального контекста социальной жизни, реконструируемой из жизненных повествований людей: мифы и идеологемы, функционирующие в общественном сознании на определенном витке исторической жизни общества» [Готлиб, 2013, с. 10]. Генезис смысла открывается не через интерпретацию содержания нарратива, акцент делается «на “способах и методах” с помощью которых люди, рассказывающие “свои истории” во взаимодействии с участниками коммуникации “объясняют события своей жизни, придают им значения”» [Готлиб, 2013, с. 10]. Если смыслогенез перекидывает мост от природы к культуре, то феноменальная природа ментальности раскрывается в логике интерпретации рождающихся смыслов, в первую очередь самими авторами.

Память структурирует менталитет этноса и обуславливает особенности созерцания в настоящем, то, что привлекает более всего субъекта культуры, то, на что наточен взгляд субъекта культуры. Подтверждая данную мысль, звучит один из курьезов чеченского фольклора о том, как некоему человеку после травмы заменили глаз на кошачий. И когда соболезнующие спросили о том, как приживается новый глаз, хозяин отметил, «да все бы ничего, только он (глаз) норовит посмотреть в мышиную норку». Данная мысль коррелируется с древним высказыванием, что подобное тянется к подобному.

Природа бытия человека в многосотлетней истории своей адаптации к окружающей реальности сложила структуру быстрого доступа к информационному материалу, формирующему менталитет и ментальность, согласно которым субъект сохраняет относительную аутентичность самому себе и своей группе. Содержание объективного мира подгоняется под субъективные ожидания. В известной притче про слепцов, которые должны были объяснить, что такое слон на ощупь, каждый из них исходил из природы той части слона, которая была ему доступна. Но даже зрячие люди, в силу своих ментальных (национальных, религиозных, профессиональных, гендерных и т. д.) и когнитивных особенностей в объекте своего восприятия, созерцают то, что для них актуально (курьез с мышинным глазом, можно также вспомнить идылы Ф. Бэкона).

Интересно обратиться к одной из практик использования понятия «созерцание» у В. И. Вернадского. Русский мыслитель, обратившись к исследованию проблемы научного мировоззрения, отмечает, что оно есть «создание и выражение человеческого духа; наравне с ним проявлением той же работы служит религиозное мировоззрение, искусство, общественная и личная этика, социальная жизнь, философская мысль или созерцание» [Вернадский]. Мыслитель, отождествляя созерцание с философской мыслью, делает акцент на том, что все перечисленные формы отражения человеческой личности «в разные эпохи у разных народов» имеют «свои законы изменения и определенные ясные формы проявления» [Вернадский]. Размышляя над мировоззрением, В. И. Вернадский отождествляет его с мирозозерцанием, и хотя в сочинениях

мыслителя напрямую не дано определение созерцанию, можно предположить, что созерцание есть и чувственное и рациональное отражение в сознании субъекта внутреннего и внешнего мира. Используя понятие «созерцание», В. И. Вернадский отмечает его как конструктивное, мистическое, внутреннее, натурфилософское, религиозное созерцание [Вернадский].

Таким образом, человеческое сознание конструируется в культуре становления его мировоззрения или мирозозерцания. Сообразно эпохе созерцательная культура субъекта детерминирует его психологический портрет — его психический (психоэмоциональный) и логический (рационально-абстрактный) портрет. То есть культура касания обуславливает тактильную культуру [Бетильмерзаева, 2021], культура смотреть — культуру видеть, культура слышать — культуру слушать, культура различения запахов — культуру обоняния, культура еды — культуру вкуса. Эти процессы не автономны. Их протекание обусловлено в целом ментальной культурой носителя как представителя определенной этнической, религиозной, профессиональной, гендерной общности. В эти общности субъект входит поэтапно с идентификацией себя с конкретным этносом, религией, полом, профессиональным кругом.

Когда мы определяем тот или иной этап в развитии народа, нам характерно рефлексировать над страницами его неопределенности или достоверности, трагизма или благополучия. В жизни любого народа есть периоды, позволяющие считать их наиболее значимыми или трагичными для формирования исторического портрета этноса. Современные национальные общества представлены различными этнокультурными пластами, чьи агенты в своих идентификациях кардинально отличаются друг от друга. Вместе с тем есть нечто, что объединяет их всех при всей социальной и культурной разительности характеристик.

Этническая ментальность представляет собой психическую (психоэмоциональную) и логическую (рационально-абстрактную) характеристику как ментальных, так и когнитивных особенностей этноса, которые сформировались в процессе историко-культурологических метаморфоз [Бетильмерзаева, 2005]. Исследование этнического менталитета и этнической ментальности народов, проживающих на территории Российской Федерации, анализ факторов, провоцирующих конкурирующие нарративы этого взаимодействия, моделирование позитивной политики межэтнического и народно-властного регулирования национальной практики есть необходимое условие формирования российской гражданской идентичности. Российская гражданская идентичность — это социальный конструкт, свидетельствующий о гражданском единстве населения, проживающего на территории Российской Федерации. История прошлого и начала текущего века демонстрирует нам то, как быстро может быть поколеблено единство народа (чеченский вопрос, Прибалтийские республики, Закавказье, Украина и т. д.). При первом удобном случае социальные общности стремятся к историческому реваншу, к справедливости в своем понимании. Здесь закономерен вопрос о том, каковы причины, обуславливающие смещение интересов и пробуждающие агрессию «добрососедских народов» друг относительно друга,

при всем понимании, что локальные конфликты не всегда являются следствием противостояния этносов? Чаще всего современные конфликты имеют геополитический характер и их субъектами являются силы, претендующие на власть. Оппозиционные властные субъекты, организуя подвластные массы, используют их в качестве ресурса достижения своих целей.

Основными средствами анализа ментальности в контексте предложенных подходов — смыслогенетический и нарративный — являются смыслогенез (рождения смысла) и нарратив. Рождение смысла — сложный процесс, корректируемый временем и обстоятельствами, процесс, который в своем генезисе наращивает потенциал: от элементарных единиц до целого текста, от простых форм выражения мысли до сложных смысловых конструкций. Рождение смысла происходит через соприкосновение вещи как внешней данности и мысли как внутренней работы. Вещи, явления, процессы субъективной и объективной реальности подчиняются одним и тем же законам: будь то физические, химические или социальные. Категоризация ментальных особенностей определяет качество отношений носителей этнического, религиозного, гендерного, профессионального сообщества. Каждая группа отношений протекает в своей реальности. Но социальный субъект в зависимости от того, какую культурную общность он представляет — традиционную или глобализационную, монокультурную и поликультурную, закрытую или открытую, — может являться носителем множества реальностей и соответствующих ментальностей. Этот факт должен предупреждать категорическую оценку ментальности современного человека, чьи смыслогенез и нарратив структурируются в открытом глобализирующемся информационно-сетевом мире.

Вследствие анализа ментальности в контексте смыслогенетического и нарративного подходов наиболее продуктивной видится категоризация ментальности на основе следующих критериев: отношение к пространству, месту, территории (terra/земля) проживания; отношение ко времени как к физической и социокультурной мере («хан» — по-чеченски «время», «ха» — по-чеченски «страж»); отношение к имени (вещи); отношение к памяти; отношение между человеком и Богом; отношение между человеком и группой; отношение между народом и властью. Первые два критерия — пространство и время — раскрывают онтологические аспекты мирозерцания субъекта; отношение к имени, вещам, памяти — гносеологические аспекты мирозерцания субъекта; все последующие — социальные аспекты — формируют институциональное сознание субъекта. Рождение нарративного смысла предстает в палитре данного многообразия.

Современное чеченское общество, проживающее локально, сформировалось под влиянием различных факторов: исторически первичного собственного адаптационного опыта, нашедшего выражение в нормах адата² в контексте проживания в полиэтническом Северо-Кавказском регионе, исламской культуры

² Адат — совокупность народных обычаев чеченцев, которые сложились еще в доисламский период.

и российской истории. Созерцание как основополагающее свойство формирования настоящего в опыте чеченского этноса испытывает до сих пор влияние времени большей длительности. Одним из серьезных факторов, детерминирующих этнические особенности чеченцев, является историческая память последних столетий, в контексте которой сформировались конкурирующие смыслы и нарративы (события). Мы предлагаем следующую периодизацию нарратива в ближайшей истории этноса, чье смысловое содержание будет раскрывать историческую преемственность ментальных особенностей:

- Первый нарратив: длительный период имперско-горского противостояния на протяжении XVIII–XIX вв.
- Второй нарратив: конец XIX – начало XX века. Период становления чеченской образовательной и экономической элиты.
- Третий нарратив: 1917–1943 годы. Формирование чеченской автономии, интеллигенции, рабочего класса.
- Четвертый нарратив: 1944–1957 годы. Годы депортации.
- Пятый нарратив: 1958–1991 годы. Возвращение народа на свою родину. Годы формирования образа советского человека.
- Шестой нарратив: 1991–1994 годы. Период пертурбации социальных отношений.
- Седьмой нарратив: 1994–2002 годы. Период гражданско-властной анархии в регионе.
- Восьмой нарратив: 2003–2009 годы. Период восстановления государственно-правовых отношений.
- Девятый нарратив: 2009–2022 годы. Созидание новой региональной государственности.

Одно и то же историческое время сталкивается с противостоянием различных смыслов, спровоцированных конкурирующими, уклоняющимися или соглашательскими нарративами современников, обусловленных позициями акторов социальных событий. Например, в период пертурбации социальных отношений в начале 90-х годов прошедшего века в истории чеченцев было разыграно несколько нарративов: пророссийский нарратив — те, кто сохранил симпатию к советской идеологии; государственно-суверенный нарратив, представленный «патриотами» народа; религиозно-возрожденческий нарратив, вовлекавший в процесс «суверенизации» большие массы; анархистский нарратив представлял тех, кто решил воспользоваться ситуацией безвластия; аполитичный — те, кто предполагал, что своим невмешательством избегут проблемы; предприимчивые — те, кто уехал «до первого выстрела»; нарратив прагматиков, расчетливо реализовывавших свои утилитарно-прагматические цели. В каждом нарративе закодированы ментальные особенности участников социальных актов, позволяющие проследить факторы, детерминирующие трансформации общественного сознания.

Итак, в своей работе мы рассмотрели потенциал понятия «ментальность» в контексте новых исследовательских подходов: смыслогенетического

и нарративного. Предложенная экспликация ментальности позволила утвердиться в том, что ментальность как феНоумен, определяющий качество психоэмоциональных характеристик субъекта познавательной деятельности, в смыслогенетической и нарративной преемственности исторических фактов, переживаемых любым этносом, в трансгрессивных смещениях ценностей, формируемых в конкурирующем противостоянии различных смыслов и нарративов, характеризует логику интерпретации субъектом социальной реальности. Определение содержания ментальных особенностей социального субъекта средствами смыслогенеза и нарратива по предложенным критериям и периодизации станет предметом наших последующих исследований.

Список источников

1. Августин Аврелий. Исповедь. СПб.: Наука, 2013. 373 с.
2. Арьес Ф. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 1996. 245 с.
3. Ашнокова Л. М., Намитокова М. Н. Этничность и менталитет // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6 (74). С. 14–17.
4. Бетильмерзаева М. М. Ментальность в контексте культуры (философско-культурологический анализ): специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2011. 359 с.
5. Бетильмерзаева, М. М. Философия тактильной культуры // Вестник психофизиологии. 2021. № 3. С. 116–118. DOI: 10.34985/q9174-2203-1049-г.
6. Бетильмерзаева М. М. Этническая ментальность в системе культуры: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2005. 198 с.
7. Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 92–102.
8. Вернадский В. И. О научном мировоззрении // Официальный сайт Государственного геологического музея имени В.И. Вернадского. URL: https://sgm.ru/DOWNLOAD/ABOUT/about_scientific_outlook.pdf (дата обращения: 12.01.2022).
9. Волков Д. Б. Как выжить, рассказывая историю. Нарративный подход к проблеме тождества личности // Финиковый компот. 2018. № 13. С. 55–59.
10. Готлиб А. С. Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 9–14.
11. Грищук А. И. Философский анализ ментальности: содержание и методы исследования: дис. ... канд. филос. наук. М., 2002. 157 с.
12. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Роль менталитета в развитии общества: социокультурная гипотеза // Вестник славянских культур. 2017. Т. 43. С. 38–51.
13. Корнейчук Э. А. Менталитет: истоки и исторические формы: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2001. 155 с.
14. Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российского менталитета // Политические исследования. 1995. № 4. С. 69–76.
15. Олейников Ю. В. Природный фактор российской ментальности // Философские исследования. 1999. № 3. С. 124–139.

16. Пальцев А. И. Менталитет и ценностные ориентации этнических общностей: дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1998. 157 с.
17. Пелипенко А. А. Культурная программа для Homo sapiens // Человек. 2011. № 6. С. 51–69.
18. Пелипенко А. А. Мифоритуальная система культуры // Культура культуры. 2014. № 3 (3). С. 2. URL: <http://cult-cult.ru/miforitualinaya-sistema-kulitury/> (дата обращения: 14.02.2022).
19. Пелипенко А. А. Рождение смысла (на пути к смыслогенетической концепции культуры) // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. № 3 (37). С. 69–95.
20. Пелипенко А. А. Смыслогенетическая концепция истории цивилизаций // Цивилизации в глобализирующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта: по мат-лам науч. конференции / отв. ред. В. Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 162 с.
21. Полежаев Д. В. Тоталитаризм и ментальность личности: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1996. 209 с.
22. Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166.
23. Раульф У. Рождение понятия. Разговоры о ментальности во времена дел Дрейфуса // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. 245 с.
24. Сторчак В. М. Архетип и ментальность в контексте религиоведения: дис. ... канд. филос. наук. М., 1997. 146 с.
25. Шевяков М. Ю. Менталитет: сущность и особенности функционирования: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1994. 134 с.
26. Южалина Н. С. Менталитет как социокультурная целостность: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2003. 30 с.
27. Яковенко И. Г. О природе ментальности // Артикульт. 2018. № 1 (29). С. 137–145. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-1-137-145

References

1. Arjes, F. (1996). History of Mentality. *History of Mentality, Historical Anthropology. Foreign Studies in Reviews and Abstracts*. Moscow: Russian state humanitarian university 245 p. (In Russian).
2. Ashnokova, L. M. & Namitokova, M. N. (2020). Ethnicity and mentality. *Society: Philosophy, History, Culture*, 6 (74). 14–17. (In Russian).
3. Avgustin, Avrelij (2013). *Confessions*. Sankt-Peterburg: Nauka. 373 p. (In Russian).
4. Betilmerzaeva, M. M. (2011). *Mentality in the context of culture (philosophical and cultural analysis)*. Doctoral (Philosophy Sciences) Dissertation: 24.00.01. Rostov-na-Donu. 359 p. (In Russian).
5. Betilmerzaeva, M. M. (2021). Philosophy of Tactile Culture. *Bulletin of psychophysiology*, 3, 116–118. DOI: 10.34985/q9174-2203-1049-r. (In Russian).
6. Betilmerzaeva, M. M. (2005). *Ethnic mentality in the system of culture*. PhD (Philosophy Sciences) Dissertation: 24.00.01. Rostov-na-Donu. (In Russian).
7. Butenko, A. P. & Kolesnichenko, Yu. V. (1996). Mentality of the Russians and Eurasianism: their essence and socio-political meaning. *Sociological Studies*, 5, 92–102. (In Russian).

8. Gotlib, A. S. (2013). Narrative analysis in sociology: opportunities and problems of use. *International Journal of Cultural Research*, 1 (10), 9–14. (In Russian).
9. Grischuk, A. I. (2002). *Philosophical analysis of mentality: content and research methods*. PhD (Philosophy Sciences) Dissertation: 09.00.11. Moscow. 157. (In Russian).
10. Gubanov, N. I. & Gubanov, N. N. (2017). The role of mentality in the development of society: sociocultural hypothesis. *Bulletin of Slavic cultures*, 43, 38–51. (In Russian).
11. Korneychuk, E. A. (2001). *Mentality: Origins and Historical Forms*. PhD (Philosophy Sciences) Dissertation: 09.00.11. Volgograd. 155 p. (In Russian).
12. Mostovaya, I. V. & Skorik, A. P. (1995). Archetypes and reference points of the Russian mentality. *Political Studies*, 4, 69–76. (In Russian).
13. Oleynikov, Y. V. (1999). The natural factor of the Russian mentality. *Philosophical Studies*, 3, 124–139. (In Russian).
14. Paltsev, A. I. (1998). *Mentality and value orientations of ethnic communities*. PhD (Philosophy Sciences) Dissertation: 09.00.11. Novosibirsk. 157 p. (In Russian).
15. Pelipenko, A. A. (2011). Cultural program for Homo sapiens. *Man*, 6, 51–69. (In Russian).
16. Pelipenko, A. A. (2014). Myforitual system of culture. *Culture of Culture*, 3 (3), 2. (In Russian). Retrieved from <http://cult-cult.ru/miforitualinaya-sistema-kulitury/>
17. Pelipenko, A. A. (2007). *The birth of meaning (on the way to the semlogenic concept of culture)*. *Person. Culture. Society*, 9, 3 (37), 69–95. (In Russian).
18. Pelipenko, A. A. (2009). Meaning-genetic Conception of the History of Civilizations. *Civilizations in a Globalizing World. Preliminary results of an interdisciplinary project* (ed. by V. G. Horos; pp. 69–95). Moscow: IMEMO RAN. (In Russian).
19. Polezhaev, D. V. (1996). *Totalitarianism and the Mentality of the Person*. PhD (Philosophy Sciences) Dissertation: 09.00.11. Volgograd. 209 p. (In Russian).
20. Pushkarev, L. N. (1995). What is mentality. *Native History*, 3, 158–166. (In Russian).
21. Raulph, W. (1996). The Birth of a Concept. Talking about mentality during the Dreyfus Affair. *History of Mentality, Historical Anthropology. Foreign Studies in Reviews and Abstracts*. Moscow. 245 p. (In Russian).
22. Storchak, V. M. (1997). *Archetype and Mentality in the Context of Religion Studies*. PhD (Philosophy Sciences) Dissertation: 09.00.06. Moscow. 146 p. (In Russian).
23. Shevyakov, M. Y. (1994). *Mentality: the essence and peculiarities of functioning*. PhD (Philosophy Sciences) Dissertation: 09.00.11. Volgograd. 134 p. (In Russian).
24. Vernadsky, V. I. (2022). On the scientific outlook. *The official website of the V. I. Vernadsky State Geological Museum*. (In Russian). Retrieved from https://sgm.ru/DOWNLOAD/ABOUT/about_scientific_outlook.pdf
25. Volkov, D. B. (2018). How to Survive by Telling a Story. Narrative approach to the problem of personality identity. *Date compote*, 13, 55–59. (In Russian).
26. Yuzhalina, N. S. (2003). *Mentality as Sociocultural Integrity*. PhD Thesis (Culturology) Dissertation: 24.00.01. Chelyabinsk. 30 p. (In Russian).
27. Yakovenko, I. G. (2018). On the nature of mentality. *Artikult*, 1 (29), 137–145. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-1-137-145. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the autor:

Бетильмерзаева Марет Мусламовна — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета.

просп. Х. Исаева, д. 62, Грозный, Россия, 364068

maret_fil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7153>

Betilmerzayeva Maret Muslamovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Political Science and Sociology Chechen State Pedagogical University, Russia.

Kh. Isaeva Ave., 62, Grozny, Russia, 364068

maret_fil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7153>